

УДК 327(437.6)

DOI 10.30914/2227-6874-2021-14-39-52

Внешняя политика России в оценке словацких исследователей (1993–2021)

В. В. Никитин

Аннотация. В статье анализируется образ России в словацкой историографии, как и подходы словацких авторов к изучению словацко-российских отношений. Целью данного исследования является выявить, насколько объективными или субъективными являются подходы словацких политологов и историков к изучению внешней политики России, ее месту в центрально-европейской и евроатлантической геополитической системе, а также пониманию важности словацко-российских отношений в новой, демократической, рыночной эпохе. Материалом для исследования послужили работы нескольких словацких политологов, в первую очередь труды Александра Дулебы. Методом анализа станет сопоставление результатов работ словацких политологов с имевшимися на тот момент журналистикой, источниками, историографией. Данную тему, которая еще в российской и зарубежной историографии не анализировалась, необходимо хронологически разделить на два этапа. На первом этапе (с момента образования Словацкой Республики в январе 1993 г. до ее вступления в НАТО и ЕС в 2004 г.) в словацкой историографии поднимаются вопросы, связанные с внешней политикой России и словацко-российскими отношениями. Акцент ставится на «национализме» во внешнеполитическом курсе России, а также на критике словацко-российских отношений. На втором этапе после вступления Словакии в евроатлантические структуры исследователи обращают свое внимание на российско-украинские отношения (давление России на нее в ходе т. н. «газовой войны» 2009 г.) и на место России в словацкой (т. е. евроатлантической) системе координат, в особенности на вызовы России в связи с грузинскими и украинскими событиями 2008 и 2014 годов. Автор статьи приходит к результату о наличии весьма субъективных подходов словацких исследователей, противоречии их выводов доступным тогда источникам, как и нежелании работать с документами правительства Словакии, несмотря на то, что они выставлены на сайте словацкого кабинета министров.

Ключевые слова: Словакия, внешняя политика России, словацко-российские отношения, словацкая историография, образ России, геополитика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00279

Для цитирования: *Никитин В. В.* Внешняя политика России в оценке словацких исследователей (1993–2021) // Запад – Восток. 2021. № 14. С. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2021-14-39-52>

Russia's foreign policy in the assessment of Slovak researchers (1993–2021)

V. V. Nikitin

Abstract. The article analyzes the image of Russia in Slovak historiography, as well as the approaches of Slovak authors to the study of Slovak-Russian relations. The purpose of this study is to identify how objective or subjective are the assessments of Slovak political scientists and historians to the study of Russia's foreign policy, its place in the Central European and Euro-Atlantic geopolitical system, as well as understanding the importance of Slovak-Russian relations in a new, democratic, market era. The materials for the research were the works of several Slovak political scientists, especially the ones of Alexander Duleba. The method of analysis was the comparison of the results of the work of Slovak political scientists with the journalism, sources, and historiography available at that time. This topic, which has not yet been analyzed in Russian and foreign historiography, must be chronologically divided into two stages. At the first stage (from the rise of Slovak Republic in January 1993 until its accession to NATO and the EU in 2004), issues related to Russian foreign policy and Slovak-Russian relations are raised in Slovak historiography. The emphasis is on “nationalism” in Russia's foreign policy, as well as on criticism of Slovak-Russian relations. At the second stage, after Slovakia's accession to Euro-Atlantic structures, researchers turn their attention to Russian-Ukrainian relations (Russian pressure on it during the so-called “gas war” of 2009) and to Russia's place in the Slovak (i.e. Euro-Atlantic) coordinate system, in particular the challenges of Russia in connection with the Georgian and Ukrainian events of 2008 and 2014. The author of this article comes to the conclusion about the presence of very subjective approaches of Slovak researchers, the contradiction of their conclusions with the sources available at that time, as well as the unwillingness to work with the documents of the Slovak government, despite the fact that they are displayed on the website of the Cabinet of Ministers of the Slovak Republic.

Keywords: Slovakia, Russia's foreign policy, Slovak-Russian relations, Slovak historiography, image of Russia, geopolitics

Acknowledgment: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-09-00279

For citation: Nikitin V. V. Russia's foreign policy in the assessment of Slovak researchers (1993–2021). *West – East*. 2021, no. 14, pp. 39–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2021-14-39-52>

После образования независимой Словацкой Республики тема словацко-российских отношений в трудах ученых самого молодого государства Европейского Союза приобретает новые черты и заметно политизируется. Благодаря работам словацкого политолога А. Дулебы, сложилась весьма обширная историография как по созданию образа России в словацкой общественно-политической сфере, так и по изучению словацко-российских отношений после образования независимой Словацкой Республики. Автор выделяет несколько направлений, в основном это внешняя политика России, энергетический фактор и роль военно-промышленного комплекса в словацко-российских отношениях.

Проблема образа России, в том числе во внешней политике в 1990-х гг., заключается в том, что все основные работы, в которых хотя бы вскользь упоминается внешняя политика Словакии в российском направлении или дипломатия самой России, касаются либо словацко-российских отношений, либо словацкой внешней политики. В двухтомном издании «Чехия и Словакия в XX веке», помимо внутренней политики, анализируются отношения между Словакией и Западом в 1990-е годы [4, с. 389–394]. Восточное измерение ее дипломатии рассматривается в работе «Вишеградская Европа: откуда и куда?» [1, с. 252–262]. Но это все довольно общие работы с незначительными разделами, посвященными словацко-российским отношениям.

Внешнюю политику России более конкретно, хотя и весьма тенденциозно, рассмотрел А. Дулеба в своей книге «Россия в конце эпохи Б. Н. Ельцина», в которой принимал участие и другой словацкий политолог К. Хирман. Автор начинает рассматривать эту тему с позиции спора между «западниками» и «славянофилами» XIX в., который, с его точки зрения, создал «идеологические рамки для формирования внешнеполитического мышления в постсоветской России» и повлиял на «концепцию ее внешней политики в новых условиях, в том числе в отношениях со странами ЦВЕ» [9, с. 20].

Славянофилы основывались на идеализации русской истории и вере в славное будущее России, подчеркивая своеобразие славянской (особенно русской) культуры и отвергая развитие России по европейской (западной) цивилизационной модели. Их противниками выступали западники, которые ратовали за модернизацию России по западной (европейской) модели, преодоление традиционных архетипов, отсталости и изоляции российского общества, активное сближение России с Европой и участие ее в европейских делах» [9, s. 20–21].

Как славянофилы, так и западники выражали общее видение России как сильного государства и великой державы. «В этом смысле оба были русскими националистами. Но отличала их оценка состояния России, пути и перспективы ее дальнейшего развития. Славянофилы подчеркивали особые качества славянского (т. е. русского) этноса и его естественное ведущее положение в русском государстве, поэтому к ним можно применить термин «русский этнический национализм». Западники в соответствии с либеральной европейской моделью не придавали значения этническому фактору в многонациональной России, а российскому государству – империи как таковой. В их случае можно говорить о русском имперском национализме» [9, s. 21].

Сформированное в 1920-х гг. в русских эмигрантских кругах евразийство, отрицавшее возможность развития России по западным образцам, но не рассматривавшее «славян (русских) как исключительных носителей и создателей многонациональной евразийской (т. е. русской) государственности», он классифицирует как имперский, а не этнический тип русского национализма» [9, s. 21–22].

Невозможно не отметить, что основные свои выводы Дулеба почерпнул у польского политолога и совершенно не знаком с серьезными работами российских историков и философов [10, ss. 5–12; 3; 2, с. 50–65].

Затем словацкий политолог перешел к современности. Во второй половине 1980-х гг. советское руководство во главе с М. С. Горбачевым переняло «европейскую» традицию марксизма и подошло к проблемам советского общества в полном соответствии с западными образцами. Дулеба, хотя и использовал оценку внешней политики Горбачева, данную ему английским политологом С. Н. Макфарлейном как «ранний международный либерализм», но не преминул отметить, что «во времена перестройки, в русской дискуссии и политической практике

явно преобладали черты, характерные для традиционного русского западничества (или русского имперского национализма)» [9, ss. 22–23].

Также он подходит и к дипломатии первого российского правительства, возглавляемого Е. Т. Гайдаром. Ее подходы он оценивает как «явное продолжение лучших западных традиций во внутренней и внешней политике», то есть как русский имперский национализм. Правда, словацкий политолог затем добавляет оценку внешнеполитической деятельности российского кабинета министров со стороны Макфарлейна, назвав ее «классическим примером международного либерализма» [11, pp. 241–245].

К сожалению, не менее тенденциозно изучались А. Дулебой и словацко-российские отношения. В первой своей работе «Слепой прагматизм словацкой внешней политики» он коснулся таких факторов в словацко-российском сотрудничестве, как экономика, безопасность или геополитическая идентичность словацкой элиты, обвинив правительство В. Мечьяра (1992–1994, 1994–1998) в «политической слепоте», а словацкую дипломатию – в «шизофрении»¹.

В других своих работах он раскритиковал и экономические связи, и сотрудничество в военно-промышленном комплексе, и несоответствие словацкого производства масштабам российского рынка [8, ss. 31–50; 7, ss. 38–56; 5, ss. 25–33].

В нефтегазовом направлении А. Дулеба на первый план выдвигал «дешевизну» российских энергоресурсов, зависимость от них словацкой экономики, критикуя отказ правительства Словакии от диверсификации поставок нефти и газа. Такие подходы были присущи и другим словацким политологам (М. Жьяку, К. Хирману и Р. Матейовичу^{2, 3}) [12, pp. 150–151]. Вывод у Дулебы был весьма простым: «Мы не инвестируем в будущее и не ввозим в основном западные технологии, жизненно необходимые для нашего растущего экспортного потенциала, но

¹ Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky: Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku. Ss. 20, 29.

² Hirman K. Vlezieme do brlohu veľkého medveďa? // Domino efekt, 1995. 24. II. S. 2; Hirman K. Mystifikácia plynovodom // Domino efekt. 1993. Č. 35. S. 2; Hirman K. Opakovaniu problémov s dodávkami surovín z Ruska zabráni len diverzifikácia ich dovozu // Trend. 1995. 8. II. S. 7A; Hirman K. Adria opäť (dočasne?) v prevádzke // Domino efekt, 1995. 3.–9. II. S. 6; Matejovič R. Ruská surovinová kazajka // Slovenský profit. Č. 12. 1997. S. 5; Matejovič R. Mečiaru podrazila Moskva // Slovenský profit. Č. 33. S. 1.

³ Hirman K. Faktor ropy a plynu v ruskej domácej a zahraničnej politike. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku, 1998. Ss. 46–61.

преимущественно восточное сырье, консервирующее современное состояние словацкой экономики» [8, s. 31]. Такая политика, с точки зрения словацких аналитиков, привела к росту отрицательного сальдо торгового обмена для Словакии. К концу 1996 года оно насчитывало уже 48,8 млрд словацких крон, из которых 42 млрд составлял импорт стратегического энергетического сырья со стороны монопольного поставщика – Российской Федерации¹. Таким образом, Россия своими поставками участвовала в 87 % отрицательного сальдо в словацком торговом балансе. Из этого был сделан словацкими политологами вывод о необходимости провести диверсификацию поставок нефти и газа в Словакию.

В отличие от политологов, словацкие экономисты занимали противоположную точку зрения по отношению как к диверсификации поставок энергоресурсов, так и к вопросу о причинах возникновения отрицательного сальдо торгового обмена Словакии. Ввиду того, что в 1990-х гг., по выражению российского премьер-министра В. С. Черномырдина, через Словакию проходил самый мощный энергетический канал по поставкам российских энергоресурсов в Западную Европу², Словакия получала весьма серьезную транзитную скидку. Так, например, в газовой сфере в соответствии с контрактом, заключенным между Газпромом и словацким государственным предприятием «Словацкая газовая промышленность» (СГП), Словакия, экспортировавшая в страны Западной Европы российский газ в объеме около 80 млрд кубических метров, оплачивала всего лишь одну треть от потребляемого ею газа.

В словацкой историографии сложилось представление, что импорт СГП газа из России составлял 50 % пассивного торгового баланса Словакии с Россией^{3,4} [8, ss. 31–32]. Однако ситуация выглядела совершенно иначе. В статистику вносился весь объем импортируемого

¹ Obchodný schodok prekročil 42 mld. Sk // Hospodárske noviny. 1997. 15. I; Deficit obchodnej bilancie v SR do konca novembra narástol na takmer 49 miliárd Sk // Sme. 1997. 9. I.

² Slovenský národný archív. Fond Úrad vlády Slovenskej republiky. Škatuľa 16. Číslo materiálu 1798/93. Informácia o priebehu a výsledkoch oficiálnej návštevy delegácie vlády SR vedenej jej predsedom V. Mečiarom v RF v dňoch 24. a 25. marca 1993. Príloha I. A. Stručný záznam o prijatí predsedu vlády Slovenskej republiky Vladimíra Mečiara a delegácie SR predsedom rady ministrov vlády Ruskej federácie Viktorom Černomyrdinom dňa 25. 3. 1993 v Moskve. Ss. 1–2.

³ Hirman K. Vlezieme do brlohu veľkého medveďa? // Domino efekt, 1995. 24. II. S. 2.

⁴ Duleba A. Slepý pragmatizmus slovenskej východnej politiky: Aktuálna agenda slovensko-ruských bilaterálnych vzťahov. Bratislava: Výskumné centrum Slovenskej spoločnosti pre zahraničnú politiku. Ss. 14–15.

Словакией российского газа по данным таможенных органов. Это примерно 18 млрд словацких крон (ск) в год (600 млн долларов США). С другой стороны, не было никакой статистической возможности задекларировать транзитную услугу для Газпрома со стороны Словакии на сумму примерно от 12 до 13 млрд ск (более чем 400 млн долларов). Таким образом, на самом деле отрицательное сальдо для Словакии было значительно ниже. В то время как в торговом балансе, который реализовался через таможенную декларацию, у Словакии дефицит насчитывал 18 млрд словацких крон, в финансовом балансе он был на уровне всего 5 млрд (более 150 млн долларов) из-за того, что Словакия за транзитные услуги получала 2/3 газа бесплатно в рамках выплаты Россией Словакии транзитной скидки¹. Таким образом, можно сделать заключение, что статистика деформировала реальное положение в словацко-российской торговле. В связи с этим словацкими специалистами был сделан следующий вывод: «В настоящее время нет необходимости диверсифицировать поставки природного газа, поскольку российский газ по-прежнему является для нас наиболее выгодным. Наконец, поставки от других производителей повлекут за собой значительные затраты, что опять-таки повлияет на цену продаваемого в Словакии природного газа»².

Похожая ситуация вырисовывается и в словацко-российском нефтяном сотрудничестве. Экономическая его составляющая говорила в пользу именно наращивания экспорта российской нефти для словацкой экономики, но никак не свидетельствовала о необходимости проведения диверсификации поставок нефти³.

Похожее непонимание сложившейся ситуации в словацко-российских отношениях имело место и в изучении словацкими авторами сферы военного и военно-технического сотрудничества. Так, например, А. Дулеба поставки российских истребителей МиГ-29 в счет частичного погашения задолженности бывшего СССР и РФ перед Словакией и участия в них словацкого банка «Девин» называет «сомнительным торговым механизмом», делая вывод о том, что «словацкое

¹ Rabayová Z. Slovenský plynárenský priemysel má záujem o uzavretie dlhodobých zmlúv s ruským Gazpromom // Trend. 1996. 16. XII. S. 3B; Tokárová L. Inkasujeme za tranzit a export // Hospodárske noviny. 1996. 30. XII. Ss. 1, 4; Rusko-slovenský obchodný dom sa môže zmeniť na vzdušný zámok // Trend. 1995. 22. II. S. 3A; Podľa Dzurindu je pre SR možnosť platiť za ruský plyn aj tovarom inšpirujúca // Sme. 1997. 6. II. S. 2.

² Tokárová L. Inkasujeme za tranzit a export // Hospodárske noviny. 1996. 30. XII. S. 4.

³ Ibid.

правительство отдает большее предпочтение словацко-российским лоббистским группам (т. е. банку «Девин» – В. Н.), нежели реальным нуждам Вооруженных сил СР (ВС СР) и точке зрения военных экспертов». В итоге он пришел к следующему заключению: «В российско-словацких отношениях в области специальной техники не справилось словацкое правительство, а не ВС СР. То же самое касается и интеграции Словакии в НАТО – неудачу потерпела не словацкая армия, а исполнительная власть» [7, с. 47].

Все эти выводы основаны им на одной статье чешского журналиста Я. Газдика. Однако в ней находится совершенно противоположная информация. Так, например, Газдик привел оценку словацкой армии со стороны генерал-майора Г. Ланге, директора Координационной ячейки партнерства ради мира, созданной при верховном главнокомандующем Объединенных вооруженных сил НАТО: «Словацкая армия в области сотрудничества с силами альянса достигла совершенно исключительных результатов». Притом выше всяких похвал он оценивал уровень именно авиации, которая располагала новейшей военной техникой благодаря сотрудничеству Словакии с Россией в области погашения российской задолженности. «Словакия стала единственной страной Центральной и Восточной Европы, передавшей альянсу восемь суперистребителей МиГ-29 для совместной обороны воздушного пространства»¹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что, по данным чешских журналистов, и в середине 1998 года в ходе международных военных учений в словацком городе Слиач такого же взгляда придерживались представители НАТО, высоко оценивавшие «технический уровень словацких ВВС». С их точки зрения, истребители, находившиеся на вооружении ВС СР, сопоставимы с самолетами Североатлантического альянса. «То же самое, однако, нельзя сказать о чешских летательных аппаратах МиГ-21, которые стали самыми старыми и самыми отсталыми на этих учениях»².

Если в 1990-е годы, за редким исключением, на первый план выдвигались словацко-российские отношения и словацкий вектор в российской внешней политике, то после вступления Словакии в НАТО и ЕС в 2004 г. основными темами по российской современной истории стали

¹ Gazdik J. Keby išlo len o armádu // Sme. 1997. 6. V. S. 4.

² Diplomatický archív Ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky. Fond Zastupiteľský úrad Slovenskej republiky vo Viedni. Krabica 38. Fascikel 253–103. Elektronické média a tlač. 22. 7. 1998. S. 8.

российско-украинские отношения, в особенности давление России на словацкого восточного соседа в ходе «газовой войны» 2009 г., а также российская геополитика, т. е. влияние России на «евроатлантическое пространство» в Грузии и на Украине.

Необходимо особенно подчеркнуть, что словацкие аналитики без должного анализа встали на сторону Украины, оценивая ее как страну, пострадавшую от российской агрессии. С одной стороны, словацкие аналитики понимали роль природного газа в экологическом измерении европейской энергетики. «Природный газ оказался решающим для способности Словакии сократить свои выбросы углекислого газа, особенно в 1990-е гг., – отмечает В. Оравцова. – В Словакии существует разветвленная сеть газопроводов в жилых районах. Словацкая газовая и нефтяная ассоциация (СГНА) считает, что газ играет решающую роль в достижении климатических целей, улучшении качества воздуха и в области транспорта» [13, s. 38].

С другой стороны, имела место односторонняя поддержка Украины, без попытки анализа причин проблем в русско-украинских отношениях в области энергоресурсов. Во-первых, отмечается довольно странный факт повышения «энергетической безопасности Украины» и предоставления Словакией «рыночных возможностей» Украине в связи с осуществлением поставок на Украину российского газа реверсным потоком [13, s. 37]. К сожалению, автор не объясняет, какие «рыночные возможности» отсутствовали у Украины с 1991 вплоть до 2014 года. Тем более что именно через Украину Словакия получала 90 % газа еще в 1990-е гг., вплоть до проведения Словакией диверсификации ее поставок в начале XXI века.

Во-вторых, ради поддержки Украины словацкие политологи сомневались в необходимости строительства Северного потока – 2. Ссылаясь на документ министерства экономики СР, ими отмечался тот факт, что «транзит газа является ключевой проблемой энергетической безопасности и что поставки природного газа из Украины становятся “абсолютным приоритетом” как для Центральной, так и для Восточной Европы, а также для “безопасности, экономической и политической стабильности в Украине”» [13, s. 36].

Словацкий политолог А. Дулеба исследует отношения в треугольнике Россия – Украина – ЕС в том же самом ключе, перечисляя украинские и западные аргументы без должного критического анализа. С его точки зрения, в ответ на «агрессию России против Украины, которая началась в 2014 г. и сопровождалась массовым распространением

Россией дезинформации с целью ослабить демократические институты европейских стран, включая единство ЕС и НАТО, большинство государств-членов обеих организаций обновили свою стратегию по безопасности, чтобы противостоять новым вызовам в этой сфере». Словацкая стратегия была утверждена парламентом в конце января 2021 года. Словацкий политолог довольно обстоятельно цитировал данный документ: «Конфликт в Грузии и на востоке Украины, вызванный агрессивным поведением Российской Федерации, а также незаконная оккупация Крыма на Украине и города Севастополя нарушают международное право и обязательства России. Регион Восточной Европы также является источником многих потенциальных угроз для Словацкой Республики, включая возможность вооруженного нападения, гибридной войны, кибератак и разведывательных операций, кампаний дезинформации, организованной преступности, незаконного распространения оружия и нелегальной миграции» [6, p. 129].

С другой стороны, в данном документе акцентируется внимание и на важности России для Словацкой Республики, которая «заинтересована в развитии хороших отношений с Российской Федерацией... потому что Россия... является важным партнером в противодействии международным угрозам и вызовам». После данного утверждения следуют вышеперечисленные обвинения России в «конфронтационном подходе», в «серьезном вызове безопасности нашего евроатлантического региона», в ее игнорировании «нарушения основных принципов международного права» во «вмешательстве в демократические процессы других государств» и в «попытках ослабить основы архитектуры европейской безопасности, включая единство НАТО и ЕС». После чего следуют вновь слова о важности сотрудничества с этим государством: «Политика Словацкой Республики в отношении России в данных обстоятельствах заключается в продолжении поиска точек пересечения наших общих интересов, а также в открытом критическом диалоге по вопросам, по которым наши ценности и интересы расходятся, и поэтому Словакия будет поддерживать применение ограничительных мер» [6, p. 129].

Однако, по мнению словацкого политолога, новый премьер-министр Словакии И. Матович не справился с поставленной перед ним внешнеполитической задачей в связи с закупкой «несанкционированной европейским агентством по лекарственным средствам российской вакцины «Спутник V» против COVID-19, что вызвало «вопросы о достоверности усилий его правительства по перезагрузке восточной политики

Словакии» [8, s. 132]. А. Дулеба, к сожалению, не поясняет, о какой конкретно перезагрузке идет речь. Он убежден в том, что словацкий премьер-министр «поставил под сомнение реализацию внешней политики своего правительства после парламентских выборов в феврале 2020 года. Его единственный ответ, оправдывающий решение купить российскую вакцину («Это касается здоровья людей, а не геополитики»), доказал, что он не может принимать системные решения и предвидеть их долгосрочные последствия» [6, p. 134].

Обращает на себя пристальное внимание тот факт, что в аналитическом материале словацкий политолог сам не продемонстрировал анализа: он не смог ответить ни на один вопрос, поэтому он прибегнул к помощи бывшего председателя Христианско-демократического движения А. Глины. Необходимо отметить, что данный политический субъект не входит в состав парламента и, тем более, в состав правительственной коалиции. По мнению «давнего коллеги Матовича по словацкой политике», премьер-министр должен делать «грандиозные вещи, грандиозное шоу, потому что он восхищается, когда о нем пишут. Я могу отчетливо представить, что, когда ему сделали прививку «Спутником V», кого-то заставили исследовать российскую прессу о нем, а затем я могу представить, как он вечером смотрит, чтобы увидеть свое имя на кириллице. Мысль о том, что о нем пишут в России, завораживает его. Если бы Путин упомянул его, это стало бы для него буквально слишком поразительным событием. Проблема в том, что за его великое эпическое шоу кто-то должен платить, и именно поэтому мы, граждане, постоянно подвергаемся риску» [6, pp. 134–135]. За что словаки должны заплатить и какому именно риску они подвергаются, закупая русскую вакцину при отсутствии западных, словацкий политолог не объяснил.

Таким образом, можно сделать заключение, что стараниями словацких политологов с начала 1990-х гг. вплоть до начала 2020-х гг. создается весьма тенденциозный образ России. Но проблема заключается не в субъективности данных работ, а в отсутствии в них даже попытки анализировать источники. Можно понять словацких исследователей конца XX века. Документы правительств тогда можно было получить только в Аппарате правительства СР, поэтому вполне очевидно их стремление к использованию журналистики и публицистики. Однако уже с 1 января 2001 г. на сайте правительства СР выставляются все несекретные документы словацкого кабинета министров. И, за редким исключением, никто их не использует. Если и вводятся

в научный оборот эти источники, то только в незначительном количестве (1–2 документа в научной статье). Не существует попытки их более или менее обстоятельного анализа. А речь идет о таких важнейших документах, как справки о переговорах премьер-министров или отчеты о ежегодных заседаниях Межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству между Словацкой Республикой и Российской Федерацией. Это показывает настоятельную необходимость дальнейшей разработки источников в российской историографии по словацко-российским отношениям.

Список литературы

1. Вишеградская Европа: Откуда и куда. Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии: монография / под ред. Л. Н. Шишелиной. М.: Весь мир, 2010. 568 с.
2. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с. URL: <http://www.vehi.net/nlossky/istoriya/index.html> (дата обращения: 15.07.2021).
3. Цимбаев Н. И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1986. 274 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/46018-tsimbaev-n-i-slavyanofilstvo-iz-istorii-russkoy-obshchestvenno-politicheskoy-mysli-xix-veka-m-2013-v-pomosch-studentu-istoriku> (дата обращения: 11.07.2021).
4. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2005. Т. 2. 558 с. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2005_Chexija_i_Slovakija_v_XX_veke_1.pdf (дата обращения: 10.07.2021).
5. Duleba A. Nerovné partnerstvo: Rusko a Slovensko // Mezinárodní vztahy. Č. 4. 1997. Ss. 25–33.
6. Duleba A. Slovakia's Eastern Policy in 2020: good start with a bad end // Yearbook of Slovakia's Foreign Policy. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2021. Pp. 124–149.
7. Duleba A. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde končí obchod a začína politika // Mezinárodní vztahy. Č. 1. 1998. Ss. 38–56.
8. Duleba A. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy – viac otázok ako odpovedí (obchodné problémy, vízie, suroviny a záujmy) // Mezinárodní vztahy. 1997. Vol. 32. No. 2. Ss. 31–50.
9. Duleba A., Hirman K. Rusko na konci Jelfcinovej éry. Zahraničná a vnútorná politika, rozširovanie NATO a záujmy Slovenska. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 1999. 321 s.
10. Jarco J. Korzenie współczesnego nacjonalizmu rosyjskiego // *Szerepka L.* Rosyjskie ugrupowania nacjonalistyczne. Ośrodek studiów Wschodnich. Warszawa, 1995. Ss. 5–12.
11. MacFarlane S. N. Russian Conceptions of Europe // Post-Soviet Affairs. No. 3. Vol. 10. 1994. Pp. 234–269.

12. Oravcová V. Beyond energy security? Slovakia ten years after the gas crisis // *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2019*. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association. 2020. Pp. 35–46.

13. Žiak M. Slovensko: od komunizmu – kam? Bratislava: ARCHA, 1996. 230 s.

Статья поступила в редакцию 4.08.2021;
одобрена после рецензирования 27.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

Об авторе

Никитин Виктор Викторович

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Российская Федерация, г. Москва, viktor.nikitin.inslav@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

1. Visegradskaya Evropa: Otkuda i kuda. Dva desyatiletija po puti reform v Vengrii, Pol'she, Slovaki i Chekhii: monografiya [Visegrad Europe: From where and where to. Two decades on the path of reforms in Hungary, Poland, Slovakia and the Czech Republic: monograph], ed. by L. N. Shishelina. M., The whole world Publ., 2010, 568 p. (In Russ.).

2. Lossky N. O. Istoriya russkoi filosofii [History of Russian Philosophy]. M., Soviet Writer Publ., 1991, 480 p. URL: <http://www.vehi.net/nlossky/istoriya/index.html> (accessed 15.10.2021). (In Russ.).

3. Tsimbaev N. I. Slavyanofil'stvo (iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX veka) [Slavophilism (from the history of Russian socio-political thought of the XIX century)]. M., Moscow University Publ. House, 1986, 274 p. URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/46018-tsimbaev-n-i-slavyanofilstvo-iz-istorii-russkoy-obshchestvenno-politicheskoy-mysli-xix-veka-m-2013-v-pomosch-studentu-istoriku> (accessed 11.10.2021). (In Russ.).

4. Chekhiya i Slovakiya v XX veke. Ocherki istorii [Czech Republic and Slovakia in the twentieth century. Essays on History], ed. by V. V. Maryina. M., Science Publ., 2005, vol. 2, 558 p. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2005_Chexija_i_Slovakiya_v_XX_veke_1.pdf (accessed 10.10.2021). (In Russ.).

5. Duleba A. Nerovné partnerstvo: Rusko a Slovensko. *Mezinárodní vztahy*, Č. 4. 1997. Ss. 25–33. (In Slovak).

6. Duleba A. Slovakia's Eastern Policy in 2020: good start with a bad end. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy*. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2021, pp. 124–149. (In Eng.).

7. Duleba A. Slovensko-ruská spolupráca vo vojenskej a vojensko-priemyselnej oblasti alebo Kde končí obchod a začína politika. *Mezinárodní vztahy*, Č. 1, 1998, ss. 38–56. (In Slovak).

8. Duleba A. Slovensko-ruské hospodárske vzťahy – viac otázok ako odpovedí (obchodné problémy, vízie, suroviny a záujmy). *Mezinárodní vztahy*, 1997, vol. 32, no. 2, ss. 31–50. (In Slovak).

9. Duleba A., Hirman K. Rusko na konci Jeľcinovej éry. Zahraničná a vnútorná politika, rozširovanie NATO a záujmy Slovenska. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, 1999, 321 s. (In Slovak).

10. Jarco J. Korzenie współczesnego nacjonalizmu rosyjskiego // *Szerepka L.* Rosyjskie ugrupowania nacjonalistyczne. Osrodek studiów Wschodnich. Warszawa, 1995, ss. 5–12. (In Slovak).

11. MacFarlane S. N. Russian Conceptions of Europe. *Post-Soviet Affairs*, 1994, vol. 10, no. 3, pp. 234–269. (In Eng.).

12. Oravcová V. Beyond energy security? Slovakia ten years after the gas crisis. *Yearbook of Slovakia's Foreign Policy 2019*. Bratislava, Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, 2020, pp. 35–46. (In Eng.).

13. Žiak M. Slovensko: od komunizmu – kam? Bratislava: ARCHA, 1996, 230 s. (In Slovak).

The article was submitted 4.08.2021;
approved after reviewing 27.10.2021; accepted for publication 15.11.2021.

About the author

Viktor V. Nikitin

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russian Federation, viktor.nikitin.inslav@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.